

A detail from a religious painting, likely depicting the Last Supper. The scene is set around a table with a white cloth. In the foreground, a man with a white beard and hair is shown in profile, looking towards the right. Behind him, a man with a long brown beard and hair is looking down. To the right, another man with a dark beard and hair is looking towards the center. A hand in a red sleeve is visible on the left, holding a small object. On the table, there is a round loaf of bread and a dark circular object. The background is dark, with a green curtain on the left. The overall style is characteristic of the Italian Renaissance.

Евгений Рекушев

Осколок истории

Книга вторая. Рассказы

Евгений Тимофеевич Рекушев
Осколок истории.
Книга вторая. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305535

ISBN 9785449325501

Аннотация

Стремление выделиться всегда ведет к конфликту. Умные не нужны никому, если их нельзя запрячь. Но умные ломаются не всегда, иногда они творят историю.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, Рассказы	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЛАМПОЧКА	7
О МАТЕРИ	20
ПОДУШКА	26
РЫЖИКИ	29
ДУШИ	37
ВОР	43
МУЗЫКАНТ	57
ЗАПАСКА ШОФЕРА	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Осколок истории

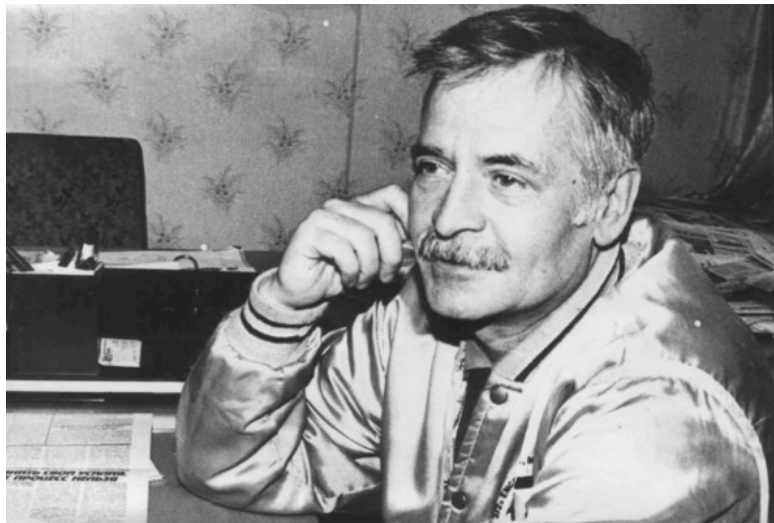
Книга вторая. Рассказы

Евгений Тимофеевич
Рекушев

© Евгений Тимофеевич Рекушев, 2018

ISBN 978-5-4493-2550-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, Рассказы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Образ жизни, суждения, интересы людей, сначала поражают нас в молодости, а потом, с возрастом, мы становимся равнодушнее, хотя и не соглашаемся с примирениями в этой жизни. Наш мозг поражают всевозможные вопросы. Зачем мы поднимаемся с постели, зачем двигаемся и работаем, рождаем, переживаем, обижаемся, радуемся и т. д. Для чего вообще жили и живем на этом свете? Довольно трудно отвечать на все эти вопросы. Впрочем и нет нужды отвечать на них. Люди живут потому, что родились и живут из чувства самосохранения и выживания, и откуда там взяться задним мыслям. У всех с годами образовывается привычка плыть по течению предоставленной жизни и, вставая из теплой кровати, мы вкатываемся в нее, забывая под сложенным второпях одеялом, все эти никому не нужные философские вопросы. Однако, с возрастом, все чаще и чаще возникает мысль высказаться кому-нибудь и попытаться найти ответы на те вопросы, которые бередят душу.

В этом сборнике я попытался поговорить с вами, не давая четких ответов на вопросы, заданные жизнью. В своих коротеньких историях, совсем не следуя жанрам рассказов и но-

велл, я попытался просто поговорить с вами. А по какому жанру вы написанное воспримете – не имеет никакого значения. Главное, что бы вы смогли использовать возможность посмотреть на мир моими глазами.

ЛАМПОЧКА

Все началось с граблей, на которые я наступил в полной темноте, в подъезде многоэтажки, в которой проживаю вот уже почти сорок лет. Поздно вечером, возвращаясь домой, был врасплох застигнут этим мерзким и колючим сельскохозяйственным орудием дачного пользования, с деревянной и тяжелой ручкой, оставленным кем-то у дверей лифта.

А все произошло из-за какой-то паршивой сгоревшей лампочки в подъезде, и наступившего вследствие этого, мраке. Огромная, фиолетово-синеватая шишка, выскочившая на моем лбу, сверлила мои мозги мыслью, что надо что-то предпринять. Почесывая зудящий, появившийся незапланированный источник боли, присел за письменный стол и, шатающимся от взведенных нервов почерком, накатал заявление в службу моего милого и родного микрорайона, обеспечивающую нашу жизнедеятельность. Службу, которая очищает нас от отбросов и мусора, из квартир нашего дома, от отходов проживания сообщества, и несущую свет в наши темные души, погрязшие в темноте безнравственности и неплатежей, т.е. в незаменимый никем вот уже столе-

тие, ЖЭК, с его дворниками и электриками, паспортистками и слесарями, сварщиками и мастерами, и прочими ИТРовцами. Словом, персонал, умеющий и знающий все, и иногда летящий, как бабочка, на пенсионные банкноты, оказывая за их изъятие из наших карманов мифическую помощь в трудную минуту, заблудившемуся в страхе бытия простому жильцу, потребителю всевозможных бытовых жилищных и коммунальных услуг. Неумирающего монстра нашей цивилизации – ЖЭКу.

Из-под моего металлического пера, стонущего от скрипа и моей боли, выползло заявление. Запечатав, я отослал его в наш легендарный, непотопляемый и вечный орган насмешек и выражений в их адрес, родной ЖЭК.

Начальнику ЖЭКа №13\2
от вашего поклонника и Фана
Иванова Ивана Ивановича
проживающего в доме №311

Уважаемая и любимая всеми жителями,
начальница, Людмила Ивановна!

Я проживаю в «самом чистом и светлом доме», согласно таблички на фасаде, который, несмотря на ваши усилия и заботы о нас, все еще стоит, вот уже 40 лет. И радуюсь я, что вы сохранили дорогие нашему сердцу исторические развалины, и непролазную грязь возле мусорных баков, оставши-

еся во дворе после гибели Помпеи. А также, благодаря вашему труду и заботам о нашей истории, вечерами высвечивается красочная мозаика на стенах подъездов, в виде трехбуквенных иероглифов, оставленных детишками наших предков в третьем поколении, и рисунки, определяющие половые признаки, согласно анатомическому атласу и камасутры.

Притом, осознавая вашу крутую озабоченность и занятость, спешу сообщить, что грабли, оставленные вашим дворником у дверей лифта в нашем подъезде, нанесли мне пощечину от, как я думаю, вашего имени. Наверное, за какуюнибудь провинность, пока не догадываюсь за какую. Может это за неплатежи? Так я добросовестно выбрасываю из своей пенсии деньги на ветер, т.е. вашему ЖЭКу. Но в этом, конечно, виновата и темнота, пришедшая в наш подъезд и живущая там без оплаты за аренду, заменившая свет от маленькой сгоревшей стеклянной лампочки, вкрученной Владимиром Ильичем Лениным, на тьму, ожидая следующего прихода коммунизма, плюс электрификации всей страны, при реализации и выполнении великих планов ГОЭЛРО.

Однако, не обвиняя вас в появившейся у меня на лбу гуле, прошу вас заменить сгоревшую лампочку в нашем подъезде, засветившуюся в тридцатые годы нашего столетия, и окончившую свою светлую жизнь так неудачно, и не вовремя.

Приложение:

квитанция о стопроцентной оплате коммунальных плате-

жей.

фотография синяка, полученного от ваших грабель.
Справка из диспансера и от психиатра, о том, что здоров.
Ваш незнакомый Вам, тот еще друг, Иванов И. И.

ЖЭК 13/2

Иванову И. И.

Уважаемый Иван Иванович!

Администрация ЖЭКа, рассмотрев ваше заявление, сообщает, что, к нашему большому сожалению, денежные средства, имеющиеся на нашем расчетном счету, недостаточны для приобретения лампочки, пришедшей в негодность в вашем подъезде дома №311. Для того, что бы денег было у нас достаточно, вы должны пристыдить соседей, и заставить их оплачивать коммунальные услуги, хотя бы даже пройдя с копилкой по квартирам. Что касается граблей, нанесших вам вред, сообщаю, что на нашем балансе они не числятся.

с уважением,

начальник ЖЭКа №13/2 Петрова

Утром, перед обедом, в подъезд заглянул представитель ЖЭКа и, взяв грабли под мышки, удалился продолжать, очень нужные для нас и страны, хозяйственные дела, требующие какого-то немедленного исполнения, так как приближался вечер, а ходьба в темном подъезде становилась очень опасной. А я, сев за стол, продолжил капать чернильные сле-

зы на чистые листы будущих заявлений по инстанциям.

Голове города,
от тела остального организма,
Иванова И. И.
проживающего в доме №311

Уважаемый и, ставший очень близким
нам, народу, Сэр-Мэр!

Получая истинное блаженство от идеологически голубой близости с вами, и отдавая вам половину своей пенсии на услуги ЖКХ и их сервис, к большому для себя огорчению отмечаю, что мрак, посетивший подъезд дома №311, в котором я проживаю, нанес мне ущерб в виде шишки, вскочившей у меня на лбу от приблудившихся неизвестно откуда граблей, ставшей сторожевой собакой, защищающей двери лифта. Конечно, я сознаю, что виновата во всем сгоревшая лампочка, которую мой верный и любимый всеми нами ЖЭК, не может приобрести, из-за отсутствия средств на расчетном счету.

Может, очень дорогой для меня МЭР, наша светлая Голова города, сможет решить эту очень сложную задачу, возникшую из ничего? И я, наконец, смогу носить шляпу, которая в данный момент, из-за шишки пока еще не налазит на мою голову. Мой любимый и очень дорогой для меня МЭР, замени, пожалуйста, лампочку в подъезде.

С уважением, в низком поклоне, И. И. Иванов

Городская Мэрия
Иванову И. И.

Уважаемый Иван Иванович!

Департамент жилищно – коммунального хозяйства города, тщательно рассмотрев ваше заявление, сообщает следующее:

действительно, в бюджете города не предусмотрены расходы на приобретение и замену вашей сгоревшей лампочки, но депутатский корпус городского совета рассмотрит ваше предложение и внесет на заседание сессии горсовета проект решения выделения средств на дополнительные расходы по приобретению лампочки, в бюджете города на следующий, поточный год.

Что касается граблей, напавших на Вас, МВД города не смогло задержать виновницу нанесенных вам побоев и привлечь ее к уголовной ответственности, ввиду ее исчезновения.

Однако следствие продолжается и прокуратурой города будет возбуждено уголовное дело в отношении напавшей на Вас гр. Аблиной.

О принятых мерах вам будет сообщено дополнительно.
с уважением,

МЭР города, М. Попкин

В микрорайоне появились с рупорами и мегафонами, как я догадался, депутаты местных советов. Они стенка на стенку пошли друг на друга. Одни, – обвиняя противников в краже лампочек из подъездов, другие, – в засылке и подбрасыванию граблей, наносящих увечья многострадальному народу, который они, представляя нас, защищают. Жители микрорайона, высыпавшие из соседних многоэтажных домов, с удовольствием слушали этот цирк, а кое-кто даже пытался собирать мелочь, для оплаты выступлений бедных наших избранцев – клоунов.

К вечеру, накричавшись и спрятав рупора и мегафоны по сумкам, гурьбой, в обнимку друг с другом, наши депутаты пошли в соседнее кафе отмечать победы в сражениях друг с другом. И долго еще в воздухе доносились до жителей фразы: – а как я? А ты ничего! А у тебя мало экспрессии. А ты забыл обматюкать Иванова.... И только эхо мягко сводило на нет угасающий гомон. А я пошел продолжать принимать на себя танталовы муки над творчеством следующих заявлений.

Вашему величеству и их высочеству,
хозяевам всея страны,
от вашего батрака и вассала...

Иванова И. И.

Очень дорогие для всех нас,

господа Паны!

Премьер и президент нашей страны!

Сгоревшая лампочка в моем подъезде ничто, по сравнению с вашими заботами о нас, маленьких винтиках сложной машины социализма, коммунизма и дерьмократизма, создающихся вашим неувядающим и неисчезающим толстым аппаратом в нашем несчастном регионе более 50 лет, породив уже почти созревший политический фурункул нашего бытия. Этот болезненный нарыв на теле государства, до сих пор не может прорваться, чтобы принести облегчение телам живущим в нем людям. Однако смею заметить, что стеклянное и хрупкое изделие, под названием «лампочка Ильича», до сих пор еще украшает и осветляет нашу и без того мрачную и темную жизнь, созданную политическими кухарками и депутатами-знахарками, и благодаря, т.е., несмотря, на ваши героические усилия, мы, старики, еще живы. И хотя иногда мы спотыкаемся и наступаем на грабли в наших темных и мрачных подъездах, не унываем, зная, что именно вы, наши слуги, придете на помощь в трудную минуту и замените сгоревшую лампочку в подъезде дома 311, и накажете, наконец, виноватых – темноту и грабли. А мы, в свою очередь, еще раз придем на выборы, чтобы вы, наконец, навсегда и напостоянно заняли свои законные высокие и мягкие кресла в вашей, полной сложностями и денежными знаками, построенной нами жизни.

Целую ваши ноги...

Эх!... С любовью к вам всем... И. И. Иванов

Администрация президента,
Кабинет министров.
Иванову И. И.

Шаноблывый та шановный Иванэ Ивановычу!

Политычна загроза в нашем суспильстви зараз не дае змоги достроково вирішыты питання у вашему зверненни, але, наш любый Иванэ Ивановычу, щодо ваших вимог, перерахованих у ций заяви, вони обов'язково будуть розглянути після прийняття окремых документив у парламенти, та пидготовци окремых проектив ришень та законив на сессиях парламенту в строк найблыщих пять рокив.

Дарагой украинец, премьер Азарини.

Дуже, з повагою до вас, президент Люлюкович.

Проснувся микрорайон от гула и рычания заграничных импортных тойот и мерседесов. Мужчины в галстуках красных и синих цветов, а женщины в длинных юбках и шарфиках оранжевых цветов, с закрученными на головах снопами белых кос и высоких темных причесок с голубыми пятнами, гулом и гамом наполнили дворик перед моим подъездом. Из бумеров и джипов выходили полковники и генералы, обвешанные орденами, крестами и медалями.

Потихоньку собирался и подтягивался народ из соседних домов, думая, что к ним приехали артисты с майдана, хотя по существу так оно и было. Кряхтя, из БМВ выкарабкался генерал с оттопыренными ушами и зычным и грозным голосом, раздевать и властвовать, произнес:

– а кто это здесь такой, разэтакий Иванов, так сказать.

Я съезжился, превращаясь в маленького комарика, и пропищал, икая и сморкаясь от ужаса, дескать, это я. Он посмотрел на меня снизу вверх и спросил: – а где ваша соучастница – грабля? И этим вопросом он поставил все на свои места. И я, уже несколько не смущаясь, заявил, что это родственница нашего пана президента, и она поехала к нему жаловаться на начальника МВД за изнасилование им ее, в нашем темном подъезде, потому, что там нет лампочки, которую вы не вкрутили. А в темноте всегда происходят всякие темные делишки. Минут десять эти дяди и тети, собираясь группками, о чем-то шептались, били друг друга ногами в пах, а затем, дружно рассевшись по машинам, укатили из нашего двора, разочаровав собравшуюся публику отсутствием концерта.

Усталый от непонимания и расшифровок ответов структур местного самоуправления, администрации высшего порядка, и от ношения с собой фонарика, не удовлетворившись ответами нашего панства из далекой и недостижимой столицы, решился на крайний шаг – искать помощи у творца нашей планеты, под названием «Земля», которую и со-

творил ОН, якобы за семь дней. Сев за письменный стол, стал преобразовывать крик души в слова и предложения моего к НЕМУ, заявления, понимая, что письмо на деревню дедушки является последним абсурдом в решении вопроса об этой мерзкогоревшей лампочке.

Главному хозяину Олимпа,
в Олимпийской деревне
гр. Зевсу.

Бог и Создатель ты наш!

Язьмь твой червь и тварь твоя подколодная, и создание мерзкое твое. Да будут бесконечными дни твои и разум нескончаемый. Помню твои словати на второй день твоего сотворения мира земного, из пыли и духа твоего, и космического ничто.

Это Ты сказал – Да будет свет!

Нищасе припадаю ниц пред твоими коленопреступными окончаниями ног твоих. И лобызая их, молю тебя лишь об одном. Пусть будет свет и в моем подъезде. Крикни об этом всем подчиненным и неподчиненным земным департаментам и службам.

Спаси, Господи! Невидимый и неуловимый отец мой. Есьмь червь твой. Защити меня от братьев по разуму с их ненасытными к побоям граблями в темном подъезде, из-за отсутствия лампочки. Батяня, помоги! Молю тебя и молюсь тебе...

Да ниспошлют тебе, Господи, приличную пенсию департаменты твоего Олимпа. Не такую как у меня, от размеров которой и половины отпущенного тобой мне срока, не прожить. Славься в веках! Аминь!

твой сынуля, И. И. Иванов

Накатав телегу всевышнему, на безадресный и святой Олимп, на всякий случай перекрестился и, упав в кровать, крепко заснул. Снились мне ангелы, ведущие меня по млечному пути к открытым настежь вратам рая, в которых стоял, сверкая позолотой одежды, святой Петр. Он поднес к губам серебряный рупор и прокричал: – заявление твое получено, несчастный, иди домой с богом и жди ответа. Я проснулся, и, осознавая свою бредовую идею писать письма тому, кого не существует, присел к письменному столу. И похолодел от ужаса. Письмо богу отсутствовало, а вместо него лежал полускрученный папирус, раскрашенный позолотой и выписанными вязью буквами, а сверху папируса лежала новенькая стеклянная лампочка, вложенная в картонный коробок. Ну, конечно же, я прочитал это письмо с содроганием и неверием. Этого не может быть, думал я, глядя уже зажившие синяки и замеряя ладонью температуру лба, нет ли у меня горячки, пока не дошел до подписи в этом документе.

Резиденция Всевышнего.

Департамент святого Петра.

Иванову И. И.

Ах ты, земная амеба, тварь одноклеточная. И кто тебя надоумил исказить русский язык. Я что, debil, по-твоему? И отцом тебе не являюсь, так как никогда не видел твою мать, а тем более не находился с ней в близких отношениях. Я не извращенец и дух мой святой только в красках на иконах, а не в постелях святых девственниц, и на ликах икон сам на себя вовсе не похож. В отношении жалобы – я ее рассмотрел и сделал вывод: – лечиться тебе надо не только от старости и малярии, но и у психиатра, от обилия умственных клеток, которые давят на черепок, заставляя делать глупости. Никто за тебя не будет ничего делать. А посему, малодушный и слабый земляной червячок, возьми эту лампочку, которую тебе дарю, в свои руки, и вкрути ее в патрон, вместо сгоревшей. И душа твоя сразу успокоится и ты не будешь брызгать словесной слюной и пачкать жалобным поносом ни администрацию, в своих бесконечных и бесполезных заявлениях, ни человечество в целом, и будешь видеть дальше, чем слышишь, и даже сможешь рассмотреть своими куриными мозгами, где же прячутся ненавистные тебе грабли, на которые ты постоянно наступал всю свою сознательную жизнь. Аминь!

От имени святого Петра,
любящая, и искренне жалеющая
тебя, моего супруга, твоя жена, Иванова А. В.

Вы думаете, что на этой фразе все и оборвалось? Дудки! Рассмеявшись и успокоившись, конечно, вкрутил лампочку в подъезде, приставив к стене стул. И даже подмел подъезд, выглядевший мусорной свалкой в ярком свете малюсенького солнышка под потолком. А через пару дней, возвращаясь вечером домой, я снова встретил свою старую знакомую подругу – темень, жившую еще совсем недавно бесплатно в нашем подъезде. Пробираясь в мраке и на ощупь, к дверцам лифта, я вдруг получил два резких удара в лоб, и сквозь зарево посыпавшихся из глаз искр, увидел обнимающихся подружек – грабли и швабру, лежащих и дрожащих от смеха у моих ног. Единственное, что я успел рассмотреть, проваливаясь в небытие, это отсутствие в патроне лампочки, подаренную мне богом и женой, и которую я два дня тому назад вкрутил своими руками, вместо сгоревшей. В моих мозгах медленно гаснет свет, а, следовательно, больше ничего дополнительно сообщить уже не смогу. Но мысль, угасавшая вместе с сознанием, дала возможность все-таки осознать – все начинается сначала, а значит, пока еще буду жить, я буду смеяться, и умру смеясь!

О МАТЕРИ

Совсем недавно умерла моя мать. В комнате, в которой мы проживали вместе с ней, была убогая обстановка. Стол,

стулья, кровати, комод и большие напольные старинные часы с боем, которые от старости уже давно не ходили. Я лежал на кровати и горько плакал. Тяжело в десять лет терять близких людей. Умерла моя матушка и я считал, что остался в этом мире один. Кроме моего двоюродного брата, жившего далеко от меня, более никого из родных не осталось.

Жили мы рядом с железнодорожной станцией и поезда, проходящие мимо, часто будили нас, заставляя тарелки и чашки, стоящие в комод, мелко дребезжать. Уставший после похорон я невольно задремал, не обращая внимание на эти посторонние шумы. Наступила ночь. Что-то разбудило меня. Мимо прошел состав, гремя буксами на стыках рельс. И вдруг в углу, где стояли часы, раздался скрежет и часы, молчавшие с момента моего рождения, вдруг начали тикать и звучать в моей голове колокольным набатом. Какая-то внутренняя, тягучая сила заставила меня подняться с кровати. Движимый диким внутренним страхом я встал и подошел к часам. Молчавшие до сих пор от старости часы прохрипели надтреснувшим голосом 12 раз. Стрелки дернулись еще раз и остановились на полуночи. Со скрежетом сама открылась скрипучая входная дверь, и лунный свет высветил дорожку, ведущую к кладбищу, расположенному в низине, недалеко от нашего дома. Что-то внутреннее подталкивало меня выйти наружу. Какая то сила заставляла меня делать то, что не хотелось. Я вышел на крыльцо, которое жалобно заскрипело под моими ногами, и медленно направился

к кладбищу, где была захоронена моя матушка, убыстряя и убыстряя свое движение, которое вскоре перешло в бег. Было очень темно. И мне казалось, что все страшное, что существует в природе, ополчилось против меня. Воспоминания о вампирах и вурдалаках всплывали в моей памяти и настраивали меня на самые страшные и ужасные мысли. Светила крупная луна и кладбище было освещено самым странным сиянием. Запыхавшись, я присел возле могилы матери, и почувствовал себя одинокой собакой, потерявшей своего хозяина. Мне хотелось выть и плакать. Совсем недавно мне было с кем поделиться своими проблемами, вымокнуть в ее жилетку свои слезы и утром, проснувшись, радостно продолжать свой путь в жизни. Тучи затянули и погасили свет луны, и кладбище превратилось в мрак. Было темно так, будто на мое лицо была натянута черная повязка и глаза, естественно, ничего не видели. Продолжалась эта мгла недолго. Просвистел, касаясь моих щек ветерок, и облака, повинуясь его движениям, обнажили лунный свет, который высветил место могилы, на которой я сидел. Край свежей могилы, в которой была похоронена моя мать, был сырым и покатым. Размазывая слезы на своих щеках, горько сожалея о раннем уходе матери из жизни, я думал о том, что ждет меня в будущей жизни.

И вдруг я обомлел. Из соседней могилы начал появляться призрак. Медленно, медленно, выползая из под серого монумента могилы, поднялся серо-белый призрак с голубыми

оттенками. Качаясь и вибрируя, он начал клониться ко мне. Его призрачные конечности тянулись в мою сторону, пытаюсь обхватить меня. Я в жизни не боялся ничего. Но когда этот призрак направился в мою сторону, покачиваясь и увеличиваясь в объеме, нервы мои сдали и я потерял сознание.

Я чувствовал, что ко мне приходило ощущение жизни. Лежа в больничной кровати, я видел знакомые лица соседей и, как в тумане, они то приближались ко мне, то медленно отдалялись. Это были далекие родственники и друзья. А мой двоюродный брат, меняя мокрые повязки, приложенные к моему лбу, гладил мои ладони и нервно чесал свои виски, о чем-то думая. Я пытался, что-то сказать, но язык мне не повиновался. Брат увидев, что я пришел в сознание, попытался сообщить, что в этом состоянии я находился трое суток, и что меня нашли на кладбище сторожа, и принесли домой в коматозном состоянии. А я, слушая его, так и не смог вспомнить, что в действительности произошло. Память отказывала мне повиноваться. По словам близких и знакомых очевидцев, когда меня нашли в этом состоянии утром, лежащим на могиле матери, я бредил и проклинал сатану и чертей. Самое страшное и неприятное для меня было то, что в зеркале, принесенным братом, я увидел седого старика. Я стал совсем седым. Седым и серым как мумия. Гораздо позже, когда потихоньку начал приходить в себя и восстановилась память, я поделился информацией с братом о том, что видел на кладбище, и он долго осмысливал

полученную информацию.

Было уже поздно и очень темно, когда брат пришел ко мне через два месяца после плачевных и непонятных событий, связанных со смертью матери, произошедших на кладбище. Он молча сидел за столом, катая шарик хлеба по столу, и поглядывая на меня и часы. Мимо проходили поезда, а мы сидели за столом молча и сосредоточенно. И вдруг, молчавшие до того часы пошли и стали отмерять время. – Не бойся ничего, тихо и мягко произнес брат, продолжая катать по столу хлебный шарик. Старый механизм часов натужно фыркнул и громко отстучал надтреснутым голосом колокола двенадцать раз. Открылась настежь, заскрипев, входная дверь и в комнату ворвался свежий ночной ветерок. – Пошли, сказал брат и первым вышел на крыльцо. Все было, как и в прошлый раз. Так же светила полная луна, так же натужно заскрипело высохшее от времени крыльцо, и так же хлопнула за нами дверь. Мы молча пошли к кладбищу. Я был спокоен. Тяжелая рука брата на моем плече вселяла в меня уверенность, что ничего плохого произойти не может, так как он был рядом со мной и знал, что делает. Мы молча присели на скамейку у могилы матери. Так же как и в прошлый раз, темное облако медленно закрыло яркий диск луны, и темень окутала нас. Небольшой ветерок сдвинул это облако, закрывающее луну, в сторону. Я схватил брата за руку и задрожал. Перед нами медленно качался из стороны в сторону призрачный силуэт. Брат медленно достал из кармана спич-

ки. Зажег и поднес горящую спичку к этому призраку. Он ярко вспыхнул, и на этом месте больше ничего не осталось. Затем он взял меня под руку, и мы медленно пошли домой. Я дрожал как осиновый лист и мелкий озноб колотил меня всю дорогу домой.

Дома он нагрел крепкого чая, и мы всю ночь проговорили о том, что же произошло на самом деле. Он, как физик, долго и дотошно рассказывал мне о законах химии, физики, о преломлении света и о многих других премудростях, которые раскрывают тайны происходящего. Я задавал вопросы, а он отвечал на них, объясняя происшедшие события. В этих событиях никакой мистики нет и все до гениальности просто. Газ, выделяемый от гниения трупов, невидим глазу, пока глазное яблоко находится в состоянии покоя, но когда резкий перепад световых импульсов воздействует на нервные окончания глазного дна, мозг не успевает произвести корреляцию этих импульсов, и мы начинаем с запозданием замечать мельчайшие нюансы окружающей субстанции. Так и произошло в моем случае. Резкий переход от темноты к свету заставил мой мозг с запозданием показать газ, выходящий из могилы, а мистическая подоплека завершила последующие действия организма. Это мистическое состояние, и якобы скрипы и трески, и всевозможные сказки о вурдалаках и пр., подогрели и подготовили организм к тому состоянию, в котором я оказался. Брат рассказал мне, что часы, иногда, от перекошенных от времени деталей, могут

снова пойти и снова остановиться под влиянием внешних факторов. Одним из них было движение поезда и дрожание пола, на котором установлены часы. Перекошенная от старости дверь тоже имеет право, от дрожания пола, как в случае от стука часов, сама открыться и закрыться. А печаль о матери, рано ушедшей из жизни и оставившей меня одного в этой жизни, заставила меня очень резко отреагировать на окружающую обстановку, о чем в последствии я убедился окончательно. Но это уже совсем другая история.

ПОДУШКА

История, о которой я хочу рассказать, произошла в одной бедной семье. Как обычно начинается повествование? Жили – были пожилые старики. Муж и жена. Они честно и достойно прожили свою долгую жизнь, пока не подкралась неумолимая старость. Естественно, они любили и уважали друг друга. Но в одно время муж начал замечать, что его жена стала медленно таять, как будто из ее худенького тельца вместе с капельками крови постепенно уходила жизнь. Ну, что же тут поделаешь. Старость неумолимо отбирала свое, думал супруг. И, наконец, этот горький для старика день, настал. Сам он недолго пережил свою любимую жену и вскоре перешел в мир иной вслед за ней. Вместе с ними проживал в комнате их сын, молодой и подающий надежды человек, наделенный силой, умом и здоровьем.

Через некоторое время, похоронив своих родителей, сын привел в опустевший дом девушку. Жизнь берет свое. Милая, работающая, здоровая особа, взявшая работу по дому в свои руки. В наследство молодой семье досталось не так уж много имущества, что бы не было сил за ним присматривать. Большой, грузный и скрипучий шкаф, круглый стол на кривых резных ножках, четыре стула, никелированная старинная кровать, да трюмо, погасившее свое лицо от старости, и часто показывало не то, что хотелось видеть. Да еще постельные принадлежности: теплое стеганое одеяло, перины, и мягкие пушистые подушки. Все было бы хорошо, если бы с течением некоторого прошедшего времени молодой хозяин не стал замечать нездоровье своей милой женушки. С каждым днем она бледнела все больше и больше, часто уставала, пока, наконец, совсем не слегла. Из ее исхудавшего тельца капелька за капелькой уходила жизнь. Как будто кто-то ежедневно высасывал из нее кровь, вместе с остатками ее жизни. Что только не делал молодой муж, что бы остановить этот процесс. Приглашались самые лучшие и самые известные доктора, но, осмотрев больную, они разводили руками и, сняв очки, невнятно бубнили о чем-то друг с другом. Любовь у мужа к своей жене была безмерной, и от ее недомогания он не находил себе места, пока не случилось то, что и должно было произойти, после непонятной, длительной и неизлечимой болезни. Тихо и спокойно, не сказав ни слова, высохшая и бледная как тень, она закрыла глаза и ушла в мир неземно-

го счастья и вечного покоя. Похоронив жену, обезумевший от горя муж пришел домой и начал подряд крушить все в доме. Старый шкаф пытался своими дверцами защитить себя, но что поделать, против топора не укрыться. Затем черед пришел столу и стульям, которых постигла та же участь. Наконец черед пришел подушке, на которой лежала его ушедшая из жизни жена. Схватив подушку за края, он попытался ее приподнять, однако она оказалась тяжелой. И тогда, схватив нож, он вспорол наволочку на подушке и обомлел... В распоротой подушке, среди перьев, медленно копошился огромный паук, наполненный светящийся кровью...

А если я вас на ночь еще не достал, попробую сменить тему в следующей новелле.

P.S. Казалось бы, в этом месте можно было бы поставить окончательную точку, и действительно, перейти к новому рассказу, если бы, к своему огорчению, не показал эту новеллу своему старому знакомому. То, что я услышал от него было для меня ударом ниже пояса. Ну, во-первых, то что я не Эдгар По, мне это стало понятным с первых слов его речи. Во-вторых, что я совершенно не знаком с семействам пауковообразных, а следовательно в новелле сплошная ахиня. Он с великим пылом стал посвящать меня в тонкости их существования, а так же анатомией их телец. В течение двухчасовой лекции я узнал о них многое, однако запомнилось лишь следующее:

Передние конечности служат для захвата добычи.

Педипальпы – щупальца служат органами осязания.

Хелицеры – (почти как рот, только перпендикулярно) ими хватают и убивают добычу.

Он схватил пуговицу на моей рубашке и, крутя ее пальцами, брызгая в экстазе слюной, убеждал иеня в том, что пауки не могут прокусить наволоку на подушке, а тем более сосать кровь из человеческой головы, так как нет таких органов у пауков, которые могли бы производить такие действия. А я, вытирая молча слюни с рубашки, думал о том, что хорошо, что энтимологов на нашем белом свете не так уж много, а те, которые являются специалистами в этой области, слава богу не читат мои новеллы. Но ни уничтожать, ни переделывать новеллу не стал. Категорически.

РЫЖИКИ

Станным показался мне поселок, в который я попал, выполняя командировочное задание. Эта странность заключалась и в названии городка, и в поведении его жителей. По улицам, утрамбованным коровьими кизьяками, впере-мешку с насыпанным, когда-то, гравием, бегала оранжево-рыжая орава детворы, разного пола и возраста, играя в свои детские игры с догонялками и прятками, и в нависшем над домами жарком летнем мареве, раздавались их пронзительные веселые голоса, утверждающие чью-то победу или

поражение. Меня смущал цвет их волос. Казалось, что кто-то, открыв банку с краской из охры, ненароком, облил их юные головы. А из-за парканов доносились голоса озабоченных матерей, созывающих своих, разбушевавшихся от игр чад, домой, для принятия обеденной, или вечерней пищи. Странность была и в том, что когда любопытство заставляло меня задавать нескромные вопросы родителям, мол, откуда у детишек такой цвет волос, хотя сами они имели цвет далеко за серый, а то и более того, уж очень темный, мамы и папы детишек молча убегали от меня подальше. Мамы – на огороды и в хаты, а папы – в кусты, где у них, как потом выяснилось, был припрятан алкогольный запас. Так называемая заначка. И потом появлялись уже никакие, не вяжущие лыко, и держащие землю под собой четырьмя точками опоры, чтобы она, не дай бог, не упала на них.

Я понимал, что русскому мужику без водки жить невозможно, однако догадывался, что, все-таки, у них в семьях не порядок. Иначе, к чему такое обилие водки и самогона они заливают в себя. Не иначе, чтобы прикрыть какую-то тайну. Какая-то недосказанность была в молчаливом поведении родителей, не желающих отвечать на мои, наверное, все-таки бестактные вопросы.

Прожил я там целый месяц, выполняя задание по наладке аппаратуры, установленной на маленьком заводике, на окраине поселка, пока жители не присмотрелись ко мне и не стали относиться ко мне с терпимостью, здороваясь при встре-

че, не видя во мне человека, способного на подлости. Проживал и столовался в хате, на отшибе, и мне некогда было точить с ними лясы, так как вставал очень рано, а ложился затемно. Хозяйка, дородная и полная матрона, еще достаточно молодая и подвижная, готовила хорошо. Постель была чистой, пахла мятой, а мне ничего более не было и нужно. К ней вечерами, иногда, приходили поселковые женщины, и они о чем-то тихо шептались за тонкой перегородкой, разделяющей мою комнатку от зала, в которой они и собирались на, так званые, посиделки. А мне, откровенно, было все равно, о чем они беседуют. Женщины, приходящие к ней, были разные, как по возрасту и интеллекту, так и по красоте и обаянию, и пожилые и некрасивые, юные и смазливые. В последствии я стал их узнавать и издалека раскланиваться, встречая их на улице. Конечно, я знал, что моя хозяйка была в этом поселке и медсестрой, и повитухой, и акушером, и психологом одновременно, и это оправдывало приход к ней поселковых женщин. Я, не прислушиваясь к их неторопливому и тихому говору, уставший за день, быстро засыпал.

Однажды, ранним утром, задержавшись в доме из-за простудного недомогания, был разбужен звеневшими на улице колокольчиками и хлопками кнута с хриплыми призывами: — Пошла! Куда! Пошла! Из окна своей комнаты я увидел стадо коров и пастуха, гнавшего коровье стадо на луг, находящийся на окраине леса, за излучиной речки, огибающей поселок.

Я замер, поперхнувшись сигаретой, которую так и не прикуривил. Пастух, возраста, примерно, около сорока лет, имел шевелюру, напоминавшую солнечное светило в часы раннего рассвета, когда оно выползает из-за горизонта и готово через секунду ослепить и растопить все вокруг. Ярко-рыжие волосы его головы были снопом скошенной соломы, достигшей полного созревания. Он был низенького роста, некрасивый, с кривыми ногами и, догоняя рассыпавшихся по улице коров, шкультигал, припадая на правую ногу. Стадо скрылось за поворотом, а я еще долго мусолил незажженную сигарету губами, перекатывая ее языком в разные стороны, пока она, мокрая, рассыпавшись, не выпала на пол. Я молча стоял длительное время, ворочая в черепной коробке вспотевшие мысли, как мокрую сигарету на губах, пока стадо, гонимое пастухом, не скрылось за поворотом, на выходе из села.

Вечером я сходил в продмаг и купил бутылку водки, пакетик с тонко нарезанными ломтиками московской колбасы, буханку горячего еще хлеба, выпекаемого в местной пекарне, и пошел домой, тревожась мыслями о том, что меня так взволновало. Мне казалось, что я уже в шаге от разгадки беспокоившей меня недосказанности событий в поселке, под названием «Рыжики».

Хозяйка крутилась у печки, двигая чугунок и кастрюли длинным хватом, и в воздухе хаты витал аромат каких-то трав и снадобий, явно предназначенных для моего выздоровления. Я высыпал продукты на стол, поставив бутылку

на середину, и просипел простуженным голосом: – надо поговорить.

За окном наступали вечерние сумерки, и тишина обвалакивала ватным одеялом засыпающий поселок, а мы сидели за столом, лицом друг к другу, и тихо разговаривали. Пили мало, да и еда, уж, не очень тянула к себе наши желудки.

Я попытаюсь, своими словами, передать смысл нашей беседы. То, что я узнал, меня взволновало и шокировало.

Мужики поселка, от постоянного пьянства и драк, неспособны были производить потомство, а так же исполнять супружеский долг, от чего женщины страдали и, избитые мужьями, молча плакали, выплескивая горячие слезы в подушки, обнимающие по ночам их головы. Пока не появился в поселке, неизвестно откуда, этот рыжак, с большим и неиссякаемым мужским достоинством, от которого все женщины, словно сошли с ума. Одна из них, побывавшая тайком в его ночных объятиях, не сдержавшись, рассказала своей подруге об испытанном ею наслаждении, а та передала другой и, вскоре, все женщины поселка стали навещать его каморку на окраине поселка, а хозяйка, по просьбе женщин, составила негласное расписание посещений дамами его хижины. Да он, собственно, и не возражал, так как его, как это ни странно, хватало на всех. А когда на свет начали появляться рыженькие детки, мужики, обеспокоенные происходящим, понимая, откуда появился этот золотой дождь, пьяные, подловили его и крепко избили, сломав ему ноги и ребра, и остави-

ли лежать на берегу речушки, омываемой их поселок. А женщины, найдя его лежащим на берегу без сознания, принесли домой, выносили его и, в свою очередь, ухватами и скалками побили своих мужей, погнав их из хат, выветривать пьяные головы в хлев, в объятия свиней и коров. Конечно, потом, со временем, все это успокоилось, и мужики поселка все происходящие события приняли за должное и смирились с прибавлением в их семьях, понимая, что сами они не в состоянии совершить подобное. И их душевные раны, и телесные раны рыжего пришельца зажили, оставив у одних грусть, а у него, неправильно сросшиеся кости, от чего появилась хромота и сгорбленность. Мы с хозяйкой долго, молча, сидели за столом – я, переваривая услышанное, а она, подперев голову рукой, задумчиво смотрела в окно, всматриваясь в наступающую ночь.

Но на этом для меня удивительная история этого поселка не закончилась. На окраине села, в приземистом, с чуть-чуть покосившейся верандой избе, проживала старая цыганка, умевшая гадать и предсказывать судьбы людей. Скрюченное тело представляло собой вопросительный знак, а морщинистое лицо, с бородавкой на носу, напоминало бабу Ягу. Ее цветастый платок и разноцветность одежды были видны издалека, и женщины, увидев ее, мгновенно меняли свой путь, и прятались в подворотнях, стараясь не попадаться ей на глаза, хотя и ходили к ней вечерами, погадать на свое счастье. Она редко выходила из дома, не работала, и мало кто знал,

чем она живет, хотя многие, приходя к ней погадать, приносили еду и деньги. Изредка ее навещала внучка, приезжавшая из райцентра, в противоположность своей бабушки, настоящая красавица цыганской породы, восемнадцати лет отроду. Иссиня-черные волосы рассыпались по плечам и ветер мягко теребил их, приглаживая их непослушность, а черные глаза смотрели в душу, вызывая искреннее удивление ее красотой, и тягу, поцелуем, прикоснуться к этому, едва распустившемуся бутону, и на руках унести ее в неведомую даль.

Я был свидетелем произошедших далее событий. Было воскресенье, и раннее утро, светлое и прозрачное, омывало меня ароматом цветов, растущих прямо под окнами. Я подошел к распахнутому окошку и ощутил свежую росу, усыпавшую их распушенные лепестки. Из-за угла появилось медленно бредущее коровье стадо, подгоняемое выстрелами щелкающего кнута рыжего пастуха, и в воздухе, до этого наполненного тишиной и спокойствием, зазвучали мычание и звонки колокольчиков, привязанные к шеям скотин. А с другого конца улицы, навстречу стаду, выплыла эта девушка восемнадцати лет, это цыганское чудо природы, обходя коров, хлопая ладонью по их влажным и теплым спинам. Их встреча, хромого уroda-пастуха и красавицы, произошла прямо перед моим окном, за занавеской которого я стоял, наблюдая за ними. Они замерли на месте, как вкопанные изваяния, и молча смотрели в глаза друг другу. Наступила полнейшая тишина. Стадо завернуло за угол, и с ним

исчезли звуки колокольчиков и мычание. Замерли ветки деревьев, только что качавшихся от порывов ветра, а встретившиеся он и она, стояли недвижимые, замершие в каком-то оцепенении. Я непроизвольно кашлянул, и идиллия происходящего рассыпалась, как карточный домик. Они вздрогнули, посмотрев на меня каким-то отсутствующим взглядом, опустили головы, и разошлись. Он побрел догонять стадо, а она поплыла невесомой походкой в противоположную сторону.

А вечером она появилась у хозяйки, и они, полубомявшись, долго-долго говорили о чем-то своем, потаенном, о чем мне не положенно было знать. Через день к хозяйке пришла старая цыганка и, обменявшись несколькими тихими фразами, они куда-то ушли. А я, через несколько дней, завершив свои дела, уехал, так и не узнав, что было дальше.

Через несколько лет я снова побывал в поселке, со смешным названием «Рыжики» и, проходя по безлюдной улице, смотрел на знакомые дома, кивал приветственно головой знакомым, и глядел на уже взрослых детишек, ковыряющихся на подворьях с лопатами и граблями, и, глядя на их рыжие шевелюры, усмехался, вспоминая все то, что когда-то происходило здесь. Проходя мимо дома цыганки, умеющей предсказывать судьбы, подумал – сумела ли она предсказать будущее своей внучки? И замер от увиденного. На завалинке, перед слегка покосившимся цыганским домом сидел рыжий, до рези в глазах, пастух, а перед ним танцевала трехлет-

ний бесенок с косичками темновишневых волос, с рыженькой челочкой на лбу. Она, изгибаясь, танцевала перед ним какой-то цыганский танец, а затем бросилась к нему и, обняв его рыжую голову, целовала в нос. А он, гладил ее по цветной головке и чему-то мягко усмехался А за тыном, окружающим огород, с тляпкой в руках стояла красивая, молодая, уже знакомая мне цыганочка, женщина с иссиня-черными волосами и счастливо улыбалась, прикрывая глаза ладонью от жгучих лучей яркого солнца. Я еще пол-минутки постоял, наблюдая за происходящим, а затем побрел дальше, по ставшей нескончаемо длинной улице, вздыхая и радуясь тому, что осталось за кадром этой истории, под названием жизнь, и уже не странными показались события, оставшиеся за моей спиной в этом, ставшим удивительно спокойным поселке, под таинственным названием «Рыжики».

ДУШИ

Одиночество. Как глупо, и даже нелепо, звучит это слово. Слышу возражения от своей души: э-э-э, дорогой, ведь ты еще не познал этого состояния. Изволь, дорогая душа, изволь. Мне и не надо познавать всего, чего я не понимаю. Если человек, хотя бы немного, оптимист, то он сам развеет и скучные мысли, и планы несбывшейся судьбы, и тревогу молодости. А я ведь, хоть и чуть—чуть, но оптимист. Конечно, согласен, что на мысли тяжелым грузом падает ти-

шина бездействия, что четыре стены и цементный пол навевают скуку, но ведь надо уметь смотреть за эти четыре стены, и в голубизну озер, и в даль зеленых полей, и ощущать сердцем радость влюбленных. А цементный пол, разверзнувшись, покажет тебе бездонную глубину вселенной, зарево городов, луны незнакомых планет. И фантазия навеет города, с завывающими кабаре, принимающих в свое лоно красавиц и их спутников мужского пола, шумами толпы, населяющих эти города, визгами тормозящих машин. А там дальше, скользя взглядом по глади океана, увидишь берега сказочных островов, усеявших бисером пустынную безбрежность водяной купели, белокрылые суда, парящие как чайки в этой водной пустыне. Видишь душа, почему человек – оптимист не унывает никогда. А перед глазами цветным художественным фильмом проходит удивительная жизнь. Каждый кадр этой картины – чья то судьба. А вот и мой кусочек этой ленты.

Нежные и ласковые, теплые и страстные губы подруги, готовы впиться в мои сухие и черствые губы. Она что-то шепчет, а я не могу понять сквозь ее страстное дыхание ни одного слова. Ах, любимая, ты думаешь, что я не помню тепла твоего тела, громкий стук возбужденного сердца, Не ощущаю упругости твоей, полудетской еще груди, налитой молодостью и невинностью. Возбужденных торчащих сосков, к которым я прикасаюсь языком, и томительная дрожь про-

бирает твоё тело. Раздвигающиеся от нетерпеливого ожидания бедра и короткие судороги пронзающие тебя. Ты думаешь, что я не помню трепет твоего тела и горячность вздохов ожидания близости. Помню все. И прижатие твоих маленьких ножек к моему разгоряченному телу, и прикосновение нежных пальчиков к моему возбужденному организму, и судороги наслаждения, и взрыв чувств, и полет к неземным мирам. Все помню. И запах волос, пахнущих лавандой, и запах миазмов женщины, желающей обладать и владеть тобой беспрекословно и вечно. А вот и слова, которые я слышу. Я тебя люблю! Нежно и счастливо ты произносишь эти вечно неумирающие слова. И снова ненасытность твоего тела влечет меня. Кончается ночь. Рассвет освещает парк, а мы все не можем насытиться друг другом. Уходишь, таинственно улыбаясь, неся в себе продолжение неумирающей жизни. И нет силы, способной остановить этот процесс. И только ты, душа моя, пытаешься восстановить в памяти эти процессы бытия.

Одиночество. Значит, оно не существует, пока в уголках памяти сохраняются кадры этого таинственного фильма, под названием жизнь. Да, ее мысли, может быть, заняты другим, но втайне, этот первый поцелуй, первое наслаждение ненасытных тел, оставило в душе неизгладимый след и в бессонные ночи произвольно губы шепчут: я тебя люблю! Ее душа и моя слились в одном порыве. И отличие только лишь во взгляде каждого на этот трепет наших душ.

И ее душа имеет свои воспоминания.

Я не могу смотреть в его глаза. Обжигающие и страстные. Он как волк смотрит на меня алчным взглядом хищника. Нет. Это показалось. А как темно ночью в парке. Сидели, прижавшись друг к другу. Совсем одни. Я слышу, как в его груди колотится сердце, чувствуя губами огонь его щек. Мне не хотелось с ним расставаться. Его руки нежно ласкали меня, и дрожь пробегала по телу от прикосновения его ноги. Горячее дыхание смущает и чего-то требует. Слова любви, неземной музыкой витает по парку. Его рука, как объятие ангела любви поднимает мой подбородок, а алые губы, словно ветер касаются моих. Как орел впивается в меня. Я почти теряю сознание. Душа блуждает, где-то высоко-высоко. Нужно вернуться на землю, но не могу и не хочу.

Каскад брызг, лазурных и стеклянных овеивает меня. Руки ищут ответного пожатия. Они грубы. Но противиться невозможно. Бессознательными движениями устремляюсь к нему. Ах, как я его люблю. Это страсть говорит во мне. Неутоленная женская плоть. Мои груди разрываются, словно наполнены горячей кровью. Прикосновение к ним рук обжигают и кажутся блаженством. Он касается языком моих сосков, и я теку как речка, готовая выйти из берегов. Чуть—чуть скользая по животу, они опускаются ниже, обхватывая бедра. О...!?! Я готова растерзать его сама. Я, его. Чего он ждет? Если он не осмелится, этот миг будет забыт им наве-

гда. Боже, как глупы юноши. Да, но ведь я сама девушка. Странно. Мои мысли, как обрывки бумаги шевелятся от ветра страсти. Глупо, но я не соображая, что делаю, впиваюсь ему в губы. Толчок, еще один. Дрожь пробирает его тело, и он готов на все. Смертельное объятие бросает меня в оцепенение, будто сам дьявол коснулся перстами моей юной души. Он во мне. Теряя сознание, в последнем движении бросаюсь туда, где кончается нить свободы, где ночует странная анфилада страстей, полных уютных и содержательных моментов. Скорее в сад. Подхваченная ветром, как былинка улетаю вверх, к звездам и душа расстается с телом навсегда. Больно морально. Немного жаль девичьих дней. Он лежит рядом со мной, и его волосы касаются моей шеи, щекоча и вызывая зуд. Движимая какими-то чувствами снова сплетаюсь с его телом. Какое оно сильное и горячее. Я его люблю! Люблю! Его руки ласкают так нежно и ласково, что я уже почти не чувствую их прикосновения. Мне уже не стыдно и я готова идти на все и бесконечно повторять

все сначала. Все для него. Я вся его. Приподнимаюсь и снова обхватываю его всего. Снова ухожу в него вся. Телом и душой. Так вот что такое страсть, которую я впервые почувствовала. Мне странно, почему все разделяют страсть с любовью. Это ведь одно и то же. Я это знаю. Я это испытала.

Но души наши расстались. И ты, моя душа, не вправе прекать меня одиночеством. Память не позволит этого.

А на старости лет, открыв шкатулку с письмами, на-

ткнешься на короткую записку, состоящую всего из трех слов. И быстрее побежит кровь в дряблом теле, разглядятся глубокие морщины на высоком челе, приподнимется обвисшая от времени и забот грудь, и чуть-чуть скривив рот, бывший, когда-то страстным, в улыбку, ты произнесешь те же слова, которые произнесла в порыве страсти. Я тебя люблю! А затем, прижав руки с лаской к своей, высыхающей груди, до мельчайшей подробности вспомнишь первую, но действительно неповторимую ночь любви, и вероятно на ум придут забытые временем слова:

Не вычеркнуть из жизни прочь,
что стало многому причиной —
я стала женщиной в ту ночь,
а ты впервые стал мужчиной.

И на жемчужные, когда-то, глаза, навернутся крупные слезы прошлого, и задумчивый взгляд будет искать сходство ребенка с милыми чертами юного образа первого мужчины, не избежавшего чудотворного влияния сказочной молодости, и взрослая дочь, обняв тебя за, когда-то лебединую шею, спросит:

– почему ты плачешь мамочка? А в ответ она услышит эти три волшебных слова: – я тебя люблю! И тайна матери останется навсегда в укромном уголке уже ее души.

Вот так то, душа моя!

ВОР

Он стал профессиональным вором в шестнадцать лет и не стеснялся этого. Даже гордился своей профессией, думая, а действительно, чем она хуже других? Лавры сталевара или сварщика, маляра или штукатура, ну и, прочие погоны и ордена знаменитых людей, не вызывали у него никаких эмоций. Свое дело он считал не худшим, чем дела Менотов и Сбушников., и даже почетнее, чем полеты в космос, или заседания в парламенте. Воры, сидящие в зале заседаний, были тупы, действовали нагло и беспринципно, обворовывая простых граждан, к числу которых причислял и себя. Но он не позволял себе грабить стариков и детей. Его возбуждала мысль о рассчитанной до мелочей крупной краже, а затем с точностью проведенной операции по изыманию денежных средств, в свою пользу, из кошелека представителей власти. Ему постоянно фартило, и он не скрывал это, а бешеная слава неуловимого летела впереди всех его дел и приносила чувство удовлетворения от качественно проделанной работы. Он не сидел на зоне и был достаточно образован. Имел высшее образование по специальности программист-системник и гордился тем, что умел открывать сейфы, напичканные электроникой. В воровском мире все считали его счастливым, родившимся в золотой рубашке. Ласково называли «неуловимый Джек». По-видимому, из анекдота –

«Джек был неуловим не потому, что его не мог никто поймать, а потому, что он даром никому не был нужен». В свои тридцать, Евгений – Джек, не связал себя путами семейной жизни, не болел, не курил, не страдал, не кашлял и не пукал в общественном транспорте, что бы вызывать юморной ажиотаж и растерянность среди людской толпы, нагло показывающей пальцем друг на друга. Но самая главная черта души, за которую его уважали – порядочность. К деньгам относился с презрением и не копил их. Разве что вложенный, на всякий случай, крупный депозит в банке, так сказать на черный день, который, слава богу, еще не наступил. Вокруг его личности был создан портрет, этакого, современного Робин Гуда. Он отдавал деньги неимущим, попавшим в житейские переделки, поддерживал скромными взносами дома престарелых и детский дом, из которого кстати и вышел в свет и, раздавая подаяния, никогда не сожалел об этом. К этому необходимо добавить и то, что был красив. Высокий рост, широкие спортивные плечи, тонкие страстные губы, орлиный нос, высоко поднятые густые брови, румянец на щеках, дорисовали бы портрет современного джентльмена удачи.

Сидя в кафе на высоком табурете у барной стойки, боковым зрением вновь отметил присутствие этого юноши, сидящего за спиной. Третий день его не покидало чувство тревоги, что за ним следят. Но делают это профессионально и чисто. Не наглеют, не трутся рядом, не выглядывают из-за угла, не зашнуровывают у него под носом туфли без шнур-

ков, не закрывают лицо прошлогодним журналом «Огонек», не поправляют платочек в кармане черного, как смоль пиджака, или поправляя цветочек за лацканом рваной куртки. А этого юношу он заприметил, посещая уже третий бар. Потягивая коктейль, начал вспоминать, где он мог проколоться. Последнее посещение он произвел пять дней тому назад. Фирма была неказистой на вид, но очень прибыльной для него. Он полгода следил за ней, наводил справки через своих знакомых, которым немало платил за информацию и обнаружил, что в тихом омуте черти водятся. А когда открыл сейф – убедился в этом. Перемещая содержимое сейфа в саквояж, прихватил и папки, лежавшие сверху денежных купюр, сложенных зелеными стопочками. Папки ему не были нужны, но он торопился и сгреб все в одну кучу, выметая содержимое рукой из недр сейфа в целлофановый мешочек. Да нет, думал он, проколов не было никаких. Он не оставил ни одного следа. Работа была произведена чисто и аккуратно. Деньги размещены в банк, а папочки заброшены на чердаке дома у его знакомой девушки, которую он изредка посещал. Она была влюблена в него, и не скрывала этого, считая его своей вещью. И ей было все равно, чем он занимается, так как делал царские подарки, преподнося их с поцелуями, от которых у нее кругом шла голова. Еще, и еще раз прокручивал в голове каждый свой шаг в последней работе и не находил никаких изъянов.

Резко повернулся на стуле и встретился с взглядом исси-

ня-черных глаз. Молодой человек смотрел на него, не мигая, и лишь тонкая ниточка его черных усов под тонким носом подрагивала в усмешке. И он, вдруг, провалился в их глубину. До Евгения донесся нежный аромат дорогих парфюмов, и он отметил знакомый запах Шаннель, духов, которые он покупал для своей знакомой на разные даты праздников. Подумал, вдруг, что не гей и поперхнулся, поймав себя на мысли, что впервые и с удовольствием, видит такого молодого и обаятельного сыщика.

– Я кого-то, чем-то обидел? – спросил у юноши Евгений. Глубокое контральто донесло ему ответ коротко и значимо: – Да!

Тихо играла музыка из мелоавтомата. Бармен за стойкой молча протирал бокалы, рассматривая их чистоту под светом лампы, стоявшей за карнизом стойки и мелкую тишину зала нарушал лишь игривый смех молодой парочки, сидящей за столиком у окна. Еще раз окинул взглядом худенькую, тонкую фигурку опера и вдруг, внутренний голос подсказал ему, что на мента этот сыщик явно не похож.

– Не советую оказывать сопротивление, иначе я буду вынужден причинить тебе боль, или сделать из тебя инвалида, – продолжил юноша.

Евгений рассмеялся, так как слабаком не был, и всегда уходил из лап сыщиков целым и невредимым, оправдывая кличку – неуловимый. Резким движением рванулся к выходу, но споткнулся о подставленную ногу, а резкий удар ладо-

нюю в лоб опрокинул его на пол. Щелкнули наручники на запястьях рук, и Евгений впервые почувствовал себя птицей, попавшей в силки. Все произошло так мгновенно, что он даже не почувствовал боли и лишь потрясение от свершившегося так быстро, заставило его вскочить на ноги. Резко застучало сердце, впрыскивая адреналин в кровь, и он стал мучительно искать пути выхода из создавшейся тупиковой ситуации. Все произошло мгновенно. Браслеты холодили запястья рук и этот холод сдавил ему грудь. Тяжело вздохнул и присел на табурет.

– Ушу, каратэ, йога? – спросил, потирая заболевший лоб руками, объединенными цепочкой оков.

– Всего понемногу, – в рифму ответил, улыбаясь, Опер.

– Сколько и кому должен? – продолжил Евгений.

– Дело не в денежных знаках. О них речь не шла, когда меня пригласили оказать услугу по твоей доставке в одно место, для разговора. Но будет лучше и для меня и для тебя, если мы не будем далее продолжать разговор на эту тему. Я навел о тебе некие справки, узнал о твоей порядочности и предлагаю сделку. Ты направляешься со мной в Энск, не делая попыток оставить меня в одиночестве, а я предоставляю тебе некую временную свободу передвижения, не связывая необходимостью быть прикованными ко мне цепью. К тому же ты мне нравишься.

– Я не голубок, – вскипел Евгений, стараясь отодвинуться от него.

– И я не в этом смысле, – произнес Опер. – Ты мне нравишься благородством и честью, о которой твердят знакомые воры в законе, рассыпаясь реверансами в твой адрес. Короче, ты должен дать мне слово не покидать меня ни на шаг, пока я не отпущу тебя на свободу, признав наши взаимоотношения прерванными. Что скажешь на это?

– А что, у меня есть выбор?

– Значит, да?

– Да! Давая слово, он впервые почувствовал тяжесть в душе, а то пустяшное, как ему показалось, что он пообещал, все-таки было гораздо весомее временной несвободы и всех денег, заработанных им. Все время его не покидала мысль, что это не Опер или Мент, а тем более не бандит, жаждущий крови и садистских наслаждений. Выкупом здесь то же не пахнет, и скорее всего, не связано с его последней операцией. Щелкнули замки наручников, освобождая запястья, и он потерял руки, слегка отекавшие от браслетов. А далее была гостиница, в которой они заняли соседние номера, и совместный ужин в кафе, расположенном на первом этаже отеля. Беседа ни о чем. Так себе. О музыке, литературе, искусстве и прочих житейских мелочах. Он отметил для себя, что юноша далеко не глуп, начитан и умен. Скорее всего вращался в кругах далеких от тех, в которых приходилось находиться ему. О делах не было сказано ни слова. Укладываясь спать в своем номере, настроил биологический будильник на два часа ночи и прилег на мягкую перину, укрывшись просты-

ней. Его не покидала мысль, что здесь что-то не так, и любопытство подогревало эти мысли, направляя их в русло загадок. Сон сжал веки и он провалился в свободное забытие.

Щелкнул будильник в его голове и он вскочив, мгновенно вспомнил прошедший день и, что должен сделать. Перед ним стояла непростая задача – приоткрыть завесу таинственности, появившуюся на его пути. Заученным движением протиснул кусочек фольги под замок двери комнаты сыщика, нажал на штырь и дверь открыла путь в недра номера. Полутьма от света луны, заглядывающей с улицы, его не смущала и он на ощупь нашел брюки и пиджак незнакомца. Вытащил ксиву из бокового кармана пиджака и прочитал написанное в ней. Частный детектив, Анастас Иванович Иванов. Усмехнулся и положил обратно в карман. Оружия не было. Судя по всему оно ему и не нужно было, так как, наверное, обладал оружием более сильным, разными приемчиками самообороны, которые Джек уже испытал на себе. Скрипнула кровать под телом юноши, который перевернулся, вздыхая во сне, а тонкая простыня сползла с тела, открыв обнаженную маленькую женскую грудь, с торчащими сосками, окрашенными в рыжий цвет. Джеку мгновенно захотелось прикоснуться к ним губами, но страх непонятности происходящего, связал его мысли в клубок и он медленными шажками отошел от кровати и, крадучись, покинул номер опера. Так вот откуда его тяга к этому черноглазому существу. Вот почему он, не задумываясь, дал слово подчиниться ему

во всем.

Проваливаясь в глубину гостиничной кровати, недолго думал над событиями ночи и, обняв подушку, крепко заснул. А утром, едва запылхал рассвет розовыми лучиками восходящего солнца, услышал стук в дверь номера и крикнул, что дверь не заперта. В дверной проем просунулось лицо его нового товарища и прошептало, медленно шевеля губами:

– Можно войти?

Оранжевый диск солнца, заглянув в номер, протянул солнечную дорожку от окна в глубину номера и, наверное устав, исчез за фрамугой оконного переплета. Он подошел к ней, и платочком стер с ее лица черную полосу усиков и мягко поцеловал ее в дрожащие губы. Стерев нарисованные усы, пригладил ежик всклокоченных волос и усадил ее, слегка обмякшую, от скрытых тайн и непонятий, в кресло. Она смотрела на него не мигая, и только алая ниточка пухлых губ, со смытых с них черной краски, слегка подрагивала в усмешке.

– Не надо со мной как с дегенератом, – сказал он. – Я ведь человек, и все человеческое мне не чуждо.. То, что мы понравились друг другу, это не секрет, но таинственности мне не надо. Ты девушка, и в этом вся тайна для меня. Так что же тебе от меня, все-таки, надо?

Он впервые не закончил свою тираду стихами, к которым был охоч, всегда находя рифмы своим фразам. Она грустно усмехнулась и сказала, что готова рассказать, все, что ее свя-

зало с ним. Рассказ был прост и не имел двусмысленности. Он очистил сейф, принадлежащий ее отцу, а она, как его по-веренная и юрист, по его приказу разыскала его и доложи-ла сведения отцу. Он же поручил ей доставить вора к нему, что она и пытается сделать. – И, к моему сожалению, доба-вила она, закончив свой рассказ, – я в тебя все-таки влюби-лась. Тем не менее, вот билеты на вечерний поезд. Купейные места мне взять не удалось, поэтому поедем в плацкартном. Он обнял ее и поцеловав сказал, что благодарен ей за заботу о нем, который только и делает, что ворует. А дальше были занавешанные шторами окна и искренняя любовь, о которой говорить прилюдно не годится.

Поезд звонко стучал колесами на стыках. Гомон и гвалт стоял в переполненном вагоне. Толстенная бабенка, сидя-щая напротив, захлеб выплевывала поток слов, которые ле-тели в ее соседку, хилую и худую, наверное от недоеданий или несчастливой жизни, и она, почти не слушая, утверди-тельно кивала головой. Из соседнего отсека вагона вылетали слова, почти незнакомые ему, но через время он домысливал их, переваривая в уме фольклорные слова и фразы.

– Явда, рупье? – Няма, слышалось в ответ. Понимая, поч-ти беларусский диалект, мысленно переводил: – Евдокия, у тебя есть один рубль? И ответенное – нет.

Он задумчиво сидел у окна вагона, и анализировал полу-ченную вчера информацию. Вагоны дергало на поворотах, и уставшие облака, дергаясь вместе с поездом, и догоняя

его подмигивали, и он, под их приветственные улыбки, даже не замечая их, тихонько дремал. Ему снились лазурные берега, на которых он никогда не был. Снились стаи лебедей, по следам которых он хотел знать куда же лететь и ему. Он мысленно отодвигал облака, чтобы увидеть лазурный берег далекого испанского острова, где он тоже никогда не бывал. Но он знал точно, что он там будет, когданибудь. Он обязательно омоет свое тело в бурлящей и сладострастной волне, омывающей его пятки и ладони. Снилось ему широкое поле, по которому он брел босыми ногами, впитывая в себя раннюю росу, а навстречу ему бежала, разбросав в стороны свои руки эта, пока еще незнакомая ему опер-супер, в женской юбке, летевшая навстречу его объятий.

Просувшись от резкого торможения поезда, увидел на своем плече заснувшего сыскаря, ставшего его судьбой, который сладко причмокивал во сне, обнимая его за шею, и стараясь не разбудить ее, тихонечко потянулся за сумкой, что бы подложить ее под уснувшего от усталости прошедших дней и ночей мастера сыска. Подложив сумку ей под голову, выпутался из ее объятий, ласково погладив спящее личико и поцеловав в выпученные сном губы, вышел в тамбур. Сквозь хлопающую между вагонами дверь, врвалась прохлада занесенного ветром воздуха, и только стук колес напоминал о текущей мимо жизни. Он думал о том, что когда любовь внезапно возникает, берегись ее, еще неизвестно, что за этим последует. Эта страсть, охватывающая с го-

ловы до ног, всегда смертельна. Ожидая любовь, всегда жди неожиданных потрясений. Он впервые в жизни закурил и подумал о том, что амур со своими стрелами все таки догнал его и, улыбаясь, вонзил в него эту проклятую, отравленную любовью стрелу. Поезд, затормозив на неизвестной ему станции, выплюнул их двоих из уставшего от дороги вагона, и чихая побрел дальше по накатанным рельсам чужих судеб. Ничем не примечательный домик в деревушке, далекой от центра цивилизации, излучал спокойствие и негу. А запах распустившихся цветов навевал ни с чем не сравнимое блаженство бытия. Палисадник был усыпан цветами и, казалось, нет ни одного пустого места, из которого бы не выглядывал аленький цветочек, это чудо природы, услаждающее взор. Она, прижавшись к нему, подтолкнула к крыльцу и он взошел в неизвестное ему будущее.

В комнате был полусумрак. В углу стояло кресло, в котором сидел, облокотившись о подлокотники, седой мужчина. Он смотрел на него своими, слегка выпучеными глазами, и молчал. Молчал и Джек, ожидая развития дальнейших событий. На его лице не проявлялось никаких эмоций, так как был предельно спокоен. Наступившая пауза своей тишиной обозначила лишь медленно текущее время, проходящее за окнами этого домика. Хлопнула дверь, и в комнату вошел полюбившийся ему сыщик, который доставил его в этот дом. — Это мой отец, произнесла она и отошла в угол. Гудели уставшие мухи, кружась над завядшими цветами в ва-

зах на столе, и тишина, обвалакивая всех, спустилась в дом из палисада.

– Моя дочь, сказал он, влюблена в тебя по моей вине, хотя долгое время скрывала это. Но от меня, как от авторитета, ничего скрыть невозможно. Давая ей задание следить за тобой, я и не предполагал, что это приведет к фиаско в моей жизни. Однако я не разделяю ее тяги к человеку, которого не знаю, и который мне абсолютно не знаком. Я хотел посмотреть в глаза тому уроду, которого полюбила моя дочь. И мне не важно, кто он. То ли по специальности, то ли по вероисповеданию. Мне важно, чтобы он был самым лучшим в глазах моей дочери. Все, что накоплено мной, и все, что приобрела от меня моя дочь, все это может быть твое, если она пожелает этого. С другой стороны я был против, чтобы она находила свое счастье с вором, который, хотел бы этого или нет, все равно когда нибудь сядет, а следовательно, оставит в одиночестве мою дочь. Я не знаю, что будет завтра, так же как и ты. Но я не такого мужа планировал своей дочери. Тысячи претендентов желали ее руки, но она, к сожалению, выбрала лишь тебя. Я не виню ее в своем выборе, но мне, искренне жаль дочь, в ее наступающей жизни. Но ее право выбирать и я молчу, хотя сердце мое к тебе не лежит, потому что ты вор. На минуту замолчал, а затем продолжил: – То, что ты украл мои деньги это не самое страшное. Ты забрал папки с документами, которые затрагивают интересы моих подельников и мне теперь, как авторитету, объявлена

война. Я ее не боюсь и не жалею о прожитой жизни. Но меня беспокоит судьба дочери, и кроме тебя, ее никто не спасет. И я прошу тебя лишь об одном – спаси мою дочь и не дай ей погибнуть. Сохрани украденные документы. Они еще вам пригодятся. Его сморщенное лицо перекошилось и он замолчал, нервно пытаясь раскурить трубку.

Джек подошел к окну и стал всматриваться в наступающие сумерки. Боковым зрением вдруг отметил, что во дворе не все в порядке. Какие-то тени в огороде медленно ползли к дому и останавливаясь, вслушивались, поворачивая головы влево и в право. Он понял, что дом был окружен со всех сторон. За одинокими деревцами виднелись лица нападавших, но было не понять, чьи они были и к какому клану принадлежали.

Он оглянулся на хозяина дома и увидел у него в руках черный пистолет и понял вдруг, что запопал в незапланированную переделку. А затем началось самое страшное, что могло происходить в его жизни. Выпученные лица нападавших, которые лезли в окна, выстрелы и крики, все смешалось в один вопль, взметнувшийся в пространстве дома. Слева и справа раздавались выстрелы и казалось, что начались боевые действия, как в отечественную войну. Она забилась в угол комнаты и, прикрываясь тоненьким локотком худенькой ручки, закрыла лицо руками. Бросившись к ней, закрыл ее своим телом, и пуля мягко вошла в его грудь, рядом с сердцем. Он не успел ни вздохнуть, ни охнуть, и только кровавый ручеек

потек из его груди. Он взвыл, как раненый мамонт, и круша мебель на своем пути, ринулся на звук выстрела вбежавшего в дом человека, убившего отца его девушки и выстрелившего в него. Смял его под себя, сдавив шею сбросил на пол. Выскочил во двор. Вторую пулю он не почувствовал, лишь только дрогнули его плечи. Третья пуля впиалась ему в грудь, от которой он покачнулся, но продолжал бежать, с одной целью, смять и уничтожить этот источник зла. Заплутавшиеся ноги подкосились. Из груди вырвался рев раненного зверя, и он упал, подгребая под себя листья, упавшие с дерева. Они медленно прикрывали обмякшее тело и, казалось, укрывают это тело от страшных страданий уходящей из него жизни. А дальше было все, как по накатанной дороге. Свист милицейской сирены и звуки скорой, которые он уже почти не слышал, проваливаясь в безодню тишины, и к нему донесли лишь звуки и трески разогреваемых чертями котлов, от которых несло серой.

Он выходил из ступора взвешенной жизни и пытался гладить грудь, почесывая ее от появившегося зуда выздоравливающейся человеческой материи. Однако сил небыло для осуществления этого желания. Но он понял, что жив, и что память обязательно вернется, только ему надо немного поспать, обнимая во сне ту, которая внезапно встретилась на его пути. Туманной дымкой светилось над ним облако, из которого выступали чьи-то ярко светящиеся чернотой глаза, которые то приближались, то отдалялись. Пахнуло

знакомым запахом духов, и ему показалось, что этот запах он уже где-то слышал. Так пахли маки, когда он посетил когда-то, во сне, необычный палисад, после которого он ничего не помнил. Вздохнул и снова провалился в бредовый кус, в котором кроме него был милый таинственный сыщик, с рыжими сосками на красивой маленькой груди, улыбающийся ему сквозь облачное марево палисада, с огромным количеством дурмящих запахов маковых цветов. И ее искренние и ласковые поцелуи. Ему почему-то показалось, что на его лицо упали водяные росинки с маковых цветов и он снова провалился в забытие, мысленно целуя в ответ это так необычно и странно появившееся в его жизни, ставшее любимым существом, нагнувшееся над ним, и спокойно заснул, твердо зная, что все будет хорошо.

МУЗЫКАНТ

Я сижу на мягком диване и слушаю заигранную до скрипов пластинку на стареньком патефоне. Звучало танго, и под шорох тупой иглы до меня доносился тихий звук саксофона, горько выскальзывающий из тутти оркестра. Я грущу, вспоминая давно забытую историю, когда-то рассказанную мне другом.

Это трагическое событие произошло в одном из концентрационных лагерей. Молодой и талантливый музыкант был арестован и помещен в один из лагерей, расположенных

на территории оккупированной Польши. Наверное, нет особой нужды повторяться о зверствах, чинимых в застенках насилия. Холод и голод постоянно терзали тело молодого человека, но все эти издевательства и тем более истязания охраны не смогли сломить его дух. Начальник лагеря был любителем музыки и приверженцем мелодичности окраски основ жизни и, так как вскоре ожидалось приближение +новогодних празднеств, он заказал музыканту написать, что-нибудь этакое, для своей души и для господ офицеров, которые собирались встретить новогодние праздники на коллективной вечеринке. И если сей опус мне понравится, сказал он, я дам тебе свободу. А нет...

Метрономом судьбы медленно отстукивалось проходящее время, отмеряя секунды, минуты, часы, сутки. Наконец подошло время праздника. В небольшом зале были собраны офицерские чины и, располагаясь за столиками вокруг небольшой эстрады, принимали горячительные напитки. Визг накрашенных девиц от щипания их за выпуклости и округлости, тяжелый табачный и алкогольный смог, шум и гам разгулявшейся ненасытной от хлеба и зрелищ толпы не мог заглушить звуки настраиваемых инструментов. Именные музыканты, собранные из всех лагерей, лирично и басовито пробегали пальцами по клавишам, кнопкам и струнам инструментов, настраивая их на тонику, определенную мелодическим устоем времен. Шаркающей старческой по-

ходкой от недоедания и стрессов, молодой человек подошел к музыкантам и роздал исписанные нотными знаками листки бумажек. Прошло немного времени, и шум тихо начал угасать. В дверях зала появился начальник лагеря. Его седая голова выделялась в мерцающем отблеске зажженных свеч призрачным свечением. Наступила тишина. Издалека, мерным рокотом раздался стук барабанов. Буд-то тысячи кованых сапог выбивали такт идущих по оккупированной Европе солдат. И вдруг, среди этого асфальтового перестука сапог по захваченным городам, заплакал саксофон. Он пел о детях, оставшихся сиротами, о женщинах, потерявших своих мужей, о матерях, не дождавшихся своих сыновей, о девушках, которых насиловали и вывозили в Германию. Последней нотой взмыл в высь звук саксофона, и наступила тишина. И вдруг, среди этой тишины раздался хлопок выстрела. Грузно осело тело генерала с кровавым пятном во лбу. Не выдержало сердце эмоциональной нагрузки. Он выстрелил в себя, осознав беды, которые принес вместе со своей нацистской кучкой человечеству.

Иногда, грустными вечерами, я слушаю это танго «маленький цветочек», написанное 65 лет тому назад французским композитором, фамилия которого уже напрочь забыта, и передо мной тяжелым сном воспроизводится, как документальный фильм, эта картина. Дослушиваю последний аккорд этого произведения и останавливаю патефон. Насту-

пившая тишина возвращает меня в сегодняшний день...

Вот такая короткая история.

ЗАПАСКА ШОФЕРА

Длинная трасса никак не кончалась. Пролегая между сопок, этих рыхлых каменных утесов, вылезаящих пупырышками из складок земли, разваливающихся от бесконечности времени на мелкую пыль, а затем поднятую забайкальскими осенне-весенними ветрами с тропинок и дорог, что бы потом вцепиться в открытые человеческие глаза мертвой хваткой, с наслаждением заставляя людей тереть до боли уже и так покрасневшие от растираний и ветра глазницы. Конечно, зимой было еще хуже. Когда от жуткого мороза, застывший и связанный по рукам и ногам ветер, залегал в проемы и берлоги мелких трещин и овражков, наступала пора очень мелких снежинок, острых как бритвы, висящих в застывшем морозном непокое и колющих глаза и уши, от которых спрятаться невозможно нигде. Пустота. Морозная глушь без снега и ветра. Мерзкое, глухое и мертвое безмолвие, среди этих сопок, стоящих ориентирами или столбами-указателями в это безмолвие, и выйти из него было практически невозможно.

Он ехал по этой трассе напевая слышанную от кого-то песню, повторяя понравившийся мотив:

А в волчьем логове приплод —

волчица ночью оценилась
и замер в ожидании народ,
что как-то, где-то, что-то, приключилось.

И ни на миг не задумывался о плохом и нездоровом ощущении, которые навевала на него эта бесконечность дороги. Спешил на свадьбу к другу, и ему было некогда пытаться заглянуть в прошлое или в будущее. Мысли свободно, под мерный рокот мотора машины, перекатывались в черепной коробке, совсем не задевая друг друга. Он с особой радостью представлял себе, как подарит молодым волчонка, украденного им из волчьего логова, дождавшись из засады, когда ху-дющая трехлапая волчица, оставив щена в одиночестве, убежит на охоту, чтобы прокормить это, пока еще несмышленное создание. Нагнулся, чтобы посмотреть, все ли в порядке. В углу кабины, из вороха тряпья на него смотрели, дышащие злобой и страхом не по детски осмысленные глаза. Он хотел погладить его по вздыбившейся шерсти, но передумал, вспомнив этот жуткий взгляд. Почти человеческий взгляд, страдающего от непонятного и жуткого страха, волчонка. И ему этот взгляд был почему-то понятен.

Машину вдруг потрянуло и под визг тормозов ее боком занесло на обочину, где она, как подбитый конь, опустилась на колени и задрожала в мелкой судороге. Пробило колесо, внезапно подумал он. Да, действительно, подвел он итог, выйдя из кабины и глядя на накренившуюся на бок машину. Проклиная чужую запаску, поставленную временно на ма-

шину, взамен своей, ремонтируемой, подумал, что надо было бы подождать и поставить нормальное колесо. Он достал домкрат и ключи, проклиная это бездушное безмолвие, стал прилаживать его к вывихнутому от бездорожья колесу. Пыхтя и натужусь, домкрат приподнял машину над дорогой, и застыл в ожидании последующих действий. Ослабив гайки колеса, он на минуту остановился, чтобы произвести последующие действия по его снятию. Протянув руку за блестящими за колесом ключами, вздохнул, думая о том, что надо было бы вывести волчонка справить свою нужду, от накопившегося транса длинной поездки. Что потом случилось, он не понял. Пятитонный самосвал, подмяв под себя хилый домкрат, всей своей массой, рухнул на руку, сжимающую ключи и с адским наслаждением вмял ее в придорожную гальку. Острая боль молотом ударила по голове, и он потерял сознание. И когда оно толчками начало возвращаться к нему, он вдруг осознал, что его жизнь кончилась. Колесо прижало его руку к земле, а по этой дороге, выбранной им, никогда не проедет ни один автомобиль. Проклиная выбранную им дорогу, впервые ощутил безысходность от неправильно выбранного маршрута, по которому длительное время не проедет ни одна машина и не пройдет ни один человек.

Туманная примесь обиды и безысходности заставила его замереть, что бы привести свои мысли в порядок. Что делать, крутилось в сознании и мысли, которые от боли не мог-

ли дать свой ответ, и оказать помощь в этой ситуации, колокольчиками дребезжали в голове. Когда день начал клониться к вечеру, он понял, что помощи ждать неоткуда, и грязные мысли начали ковырять его воспаленный от мороза и холода мозг. Тогда, несколько раз, проваливаясь в небытие, он понял, что нужно что-то делать. Гаечный ключ, отколовшийся от общей связки, подсказал ему наиболее правильное решение. Необходимо освободиться от руки, прижатой колесом его самосвала, подумал он. Это решение не было спонтанным, потому что здравомыслие тихонько уходило из его разума, из ударенной головы этим проклятым запасным колесом. Мучаясь от бессилия, придвинул к себе гаечный ключ, и ничего не значащими ударами попытался нанести несколько ударов по, застрявшей под шиной, руке. Было больно, и он понял, что ему не удастся этим инструментом освободить себя.

Катилось солнце за горизонт, заканчивался день пленения, а он все раздумывал, льстя себя надеждой, что кто-то придет и вытащит его из этого парадоксального плена. Но вокруг не было никого и только ветер, взывая, гнал гальку, остуженную за день, присыпая его как пеплом, среди бескрайних равнин и сизых сопок.

Несколько бешеных ударов ключом по руке, вызвали лишь страшную боль и струйку крови, из-под содранной кожи. Сняв пояс, закрутил его вокруг руки, чтобы прекратилась подача крови в разбитую колесом руку. Он начал зубами

рвать кожу, соленую и неприятную на вкус, пока не добрался до кости. Снова, впад в небытие, он видел себя маленьким мальчиком, который гладит свою собаку, щенка помеси овчарки и волка, подаренную отцом. Неуправляемый мозг напоминал ему тихий щенячий лепет, как разговор со своим другом, по кличке «Малыш». Ему казалось, что он понимает щенячий визг, и отвечал ему такими же звуками, которые понимала его собака-волк. Он, как маугли, и игрался и спал вместе с ним, впитывая в себя волчью науку и волчьи повадки. Через призму студеного марева привиделись, невесть откуда взявшиеся черти и ангелы, рассеявшиеся вокруг него, и среди них сидел его «малыш» и скулил на языке, понятном им обоим с детства. Одновременно он понял, что из этого заколдованного круга ему уже не вырваться. Только визг волченка, сидящего в кабине возвращал сознание. А потом он снова впал в беспамятство.

Волчица, следуя своим древним инстинктам, не выпускала из вида это страшное чудовище, которым управлял человек, укравший ее дитя. Она перебежками, наискосок, стремительно мчалась за автомобилем, срезая трехлапными прыжками, утомленные морозом сопки, падая иногда от изнеможения, и снова вскакивала, что бы не выпустить из своего взорадвигающееся по степи чудовище. Ее вой был слышен на сотни верст. В нем сквозила боль и что-то еще, присущее живым существам, и которое простым языком не передать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.